

Елена Дони́на

Девочка

с бездомными глазами

Елена Дони́на

Девочка с бездомными глазами

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Донина Е.

Девочка с бездомными глазами / Е. Донина — «ЛитРес:
Самиздат», 2015

Начальник «детской комнаты милиции» разрешает девочке-подростку из неблагополучной семьи пожить в его пустующем загородном доме. Но желание помочь оборачивается трагедией. Подозрение падает на владельца дома, и он вынужден самостоятельно искать настоящего преступника, чтобы доказать свою невиновность.

Глава первая

– Уроды, ушлёпки..., уроды, ушлёпки, – она слегка поморщилась, пытаясь подобрать ещё одно слово на «у».

Продольные многократно перекрашенные доски больно врезались в голые загорелые ноги девушки, часа полтора просидевшей на одной из параллельно расположенных скамеек. Она, то подкладывая руки под прилипавшие ноги, то пододвигалась так, чтобы край скамейки совпадал с краем шорт.

– Убийцы... Не, не убийцы. Так, уроды. И ушлёпки, – она мысленно усмехнулась двум парням, встреченным накануне, особенно тому, лицо которого успела разглядеть, и который охотно набивался в мамины зятя.

Непонятно, было ли ей душно или просто скучно, но время от времени, она облизывала языком пересохшие небольшие губы и, оттянув указательным пальцем горловину, или сильно сведя плечи вперёд, от чего футболка провисала, дула на грудь.

Безжалостно пошаркав по земле балеткой с чуть расклеенным мысом, девушка поправила, рядом лежащий, потрёпанный полиэтиленовый пакет с чем-то мягким и лёгким, вероятно, одеждой.

В пятнадцать лет она выглядела весьма заманчиво, во многом благодаря умеренной «пышности», сбитости тела, скорее женской, нежели девичьей. Светло-русая, рыжеватая, коса повторяла путь выгнутого позвоночника, периодически выпрямляющегося и снова возвращающегося к положению дуги, а не чисто зелёные, слегка мутные, глаза, равнодушно следили за входящими в здание сотрудниками полиции.

Сосчитав количество окон в каждом ряду (тринадцать), и перемножив на количество этажей (четыре), девушка стала считать окна, в которых со вчерашнего дня закрыты жалюзи, затем те, в которых уже открыты. Переключилась на шишки, висящие на верхних ветках старой ели, посаженной здесь задолго до постройки этого бело-кирпичного здания.

Она вздрогнула и резко подняла голову.

– Чё припёрлась? – сверху на неё давила взглядом девушка, похожая на пацана не только одеждой и короткой стрижкой, но и голосом. Сняв с плеча чехол с гитарой, и потянув воротник дешёвой клетчатой рубашки, она поставила инструмент на скамейку.

– Матвея Александровича жду, – ответила девушка в шортах и неуступчиво уставилась на собеседницу.

– Не хрен его ждать. Вали отсюда, – гитаристка достала из оттопыренных карманов джинсов сигареты и зажигалку, закурила, и села на другой конец скамейки.

Девушка в шортах усмехнулась и опустила голову.

Гитаристку звали Аней. Внешне обычная, угловатая, чуть нескладная. В детстве о ней с умилением говорили: «Какая беленькая!», потом Белобрысенькая, и наконец, Белобрысая, Белобрыса, и даже, Крыса-белобрыса. И предательски-белыми были не только волосы, но и брови и ресницы.

– Ты чё глухая? Проблемы сама решай, – гитаристка поправила многочисленные браслеты на руках, закусив сигарету зубами.

Девушка в шортах пересела на скамейку напротив, приняв ту же позу. Усмехнулась гитаристка.

Стройная блондинка с кривоватыми ногами, но, видимо, не комплексовавшая по этому поводу, в туфлях на высоких каблуках и погонями майора полиции на аккуратных плечиках, продефилировала по широкой бетонной дорожке между скамейками.

– Куропатка! – полетел вдогонку крутой Анькин голос.

Блондинка остановилась. Невероятным усилием сдержала желание повернуться, и, не наклоняясь, поправила туфлю. После чего, быстро «перебрав» ступени невысокого крыльца, оказалась под козырьком с надписью «ГОРОДСКОЙ ОТДЕЛ ПОЛИЦИИ», и вошла в здание.

Надя, девушка в шортах, усмехнулась.

– Чё надумала?

В ответ Надя втянула голову в плечи и, дунув на грудь, отвернулась в противоположную от здания сторону.

Обе девушки никогда не состояли на учёте в Детской комнате милиции, но обе пришли по «её душу», вернее по душу её начальника. И через пару минут на дорожке показались две фуражки, одна из которых принадлежала долгожданному Матвею Александровичу.

Надя была готова вскочить, как клоун на пружине, выпрыгивающий из коробки, но она даже руки не могла вытащить. Мужчины приближались, и Надя непроизвольно улыбнулась.

– Рот прикрой! – успела крикнуть гитаристка, и отвернулась, словно ждала того, кто должен выйти из отдела.

Высокий подполковник, худоватый для своего роста, смуглый, с лёгкой сединой и тёмно-кариыми глазами, заинтересовано слушал «первую фуражку», высокого смазливого майора, кивал, и слегка растягивал тонкие губы в улыбку, предвкушая уморительную развязку. И как только рассказчик замолчал, он искренне рассмеялся хриловатым смехом, и, почувствовав подкатывающее першение, слабо кашлянул в кулак, упёртый в чуть широковатый нос и тут же осмотрелся.

Они поравнялись со скамейками. Подполковник, почти беззвучно шевеля губами, поздоровался с Анькой, на что она ответила тем же, а тот, кто развеселил подполковника, с интересом посмотрел на Надю, которая, напротив, вылупилась на подполковника. Он же мельком глянул в её сторону и резко остановился.

– Белоусова?

– Я... – почти прошептала Надя и выпрямилась как по стойке смирно. Майор тоже как будто подрос, и машинально поправил и без того идеальный галстук.

– Что случилось? – подполковник непроизвольно и быстро осмотрел её с ног до головы, отметив про себя, что девочка подросла.

Надя замялась и умоляюще посмотрела на него.

– Или как в прошлый раз? – подполковник устало и недоверчиво вздохнул. – Минут через сорок заходи, повезёт, поговорим.

Надя кивнула и расплылась в широчайшей улыбке.

– Саныч, ты уверен, что она несовершеннолетняя? – поинтересовался майор, и, сверкнув шкодными глазами, обернулся. Подполковник вместо ответа на ходу рукопожатием поздоровался с кем-то в штатском.

Когда обе фуражки скрылись за серой железной дверью, Анька подошла к Наде, и оказалась ниже почти на голову.

– Вали отсюда! – процедила она сквозь зубы.

– Сама вали! – ответила осмелевшая Надя и села, откинувшись на спинку скамейки и закинув ногу на ногу.

– Убью...! – послышалась тихая угроза, после которой Анька накинула чехольную лямку на плечо и быстро ушла.

Глава вторая

Маринину всегда хватало внимания. Одноклассницы, однокурсницы, коллеги, подчинённые, и, наконец, поднадзорные девочки – маленькие воровки и проститутки, промышлявшие этим, чтобы выжить, а не разжиться деньгами – если не поголовно, то через одну, были влюблены в Матвея Александровича.

Без преувеличения, он полжизни проработал в Детской комнате милиции, позднее переименованной в Отделение по работе с несовершеннолетними. За это время он видел тысячи мальчиков и девочек, запуганных, немых, голодных, обиженных, вшивых и с болячками деликатного характера, ворующих, обманывающих, жестоких, но всегда дико несчастных. Пер-

вые лет пять желание помочь зачастую выходило за рамки его полномочий, потом смирился, осознав, что не может сделать счастливыми всех и сразу. Хотя бы потому, что некоторым для счастья был необходим сам Маринин.

Влюблённые девочки писали из колоний, караулили у работы, пробивались на приём. Он, в каком-то смысле, привык к этой девичьей любви, но всё равно немного чувствовал себя виноватым потому, что уже пострадавшие от действий или бездействия взрослых, они снова были не поняты и отвергнуты.

Девочки вырастали, влюблялись, выходили замуж (или нет), и, случайно повстречав женщину с детьми, которая радостно его окликала: «Матвей Александрович, здрасьте!», он сначала смотрел, даже всматривался, а потом спрашивал: «Иванова?» И она радостно отвечала, что уже не Иванова, а скажем, Петрова.

С пацанами было проще. Помог – спасибо, не помог – сука.

Так и случилось с Анькиным братом.

Из своих девятнадцати лет, последние шесть Аня была круглой сиротой. Её отец, приревновав жену к своему двоюродному брату, пырнул (крайне неудачно) его ножом. Из тюрьмы он не вышел, мать стала сильнее пить, и в свой день рождения, в самый разгар веселья, открыла кухонное окно и шагнула вниз.

Аню и Илью, младшего брата, взяла под опеку бабушка, но её опека не устроила органы опеки, и их быстро определили в детский дом. Через пару месяцев Илья попался на краже денег у воспитателя, но шум поднимать не стали – сделали внушение и посадили в карцер. Но Илья, как не просила его сестра «не тупить», снова попался, но уже на городском рынке. Его привезли к Маринину, который всё уладил, взяв честное пацанское, что тот больше не будет воровать. Но Илья рассудил по-своему и, что называется, допрыгался, получил первую судимость. И пошло-поехало.

Так, белобрысая гитаристка познакомилась с Матвеем Александровичем, которого любила сильно и, разумеется, безответно.

Аня жила в общежитии Краевого колледжа культуры, в котором обучалась на отделении «Инструментального исполнительства». Она регулярно писала брату короткие письма, потому что Илья её чувств к Матвею Александровичу не понимал, а его самого попросту ненавидел, и два-три раза в неделю прибегала к отделу полиции, увидеться с Марининым.

Надя тоже любила Матвея Александровича и считала себя однолюбкой. Ведь, кто бы и как сильно ей не нравился, а ей нравились многие, и многих она любила, она всегда помнила о Матвее Александровиче. И разочаровавшись в очередной раз, она понимала, что лучше его никого нет. Они и познакомилась благодаря любви – Надя подралась в школе из-за мальчишка, но по факту, её избили. Отлежавшись дома несколько дней, плача от боли и обиды, она решила расквитаться со своими обидчицами поодиночке, и первой выхватила ту, с кем не поделила ухажёра. Остальным повезло – мстительницу оперативно обезвредили по заявлению пострадавшей стороны.

Родители, разукрашенной Надей, соперницы потребовали справедливого наказания для малолетней изуверки, но Надя завернула такой ядрёный оборот, что мать пострадавшей кинулась на неё с кулаками. Маринин оттащил взбесившуюся женщину и потребовал, что бы все, кроме Нади, вышли из кабинета.

Оставшись наедине, Матвей Александрович попросил рассказать, как всё произошло и из-за чего. Надя, давась слезами, рассказала, при этом, задрав футболку, показала разбросанные по телу пожелтевшие синяки. На вопрос, почему она не подала заявление, совершенно искренне отвечала, что было страшно и стыдно, особенно, «если бы в школе узнали, а мама вообще сказала, что сама виновата».

Уладив дело миром, Матвей Александрович сказал Наде, что если у неё будут неприятности, чтобы она смело обращалась к нему. Надя это запомнила, и когда пришла к нему

в тот самый прошлый раз, о котором он ей напомнил, хотела заявить на нового сожителя матери, который напишится, попытается залезть к ней в трусы. Но увидев Матвея Александровича, застыдилась, и получилось, что пришла от скуки ради.

Мать Нади – тихая алкоголичка с обострениями, которые стабильно случались раз в месяц после зарплаты, а с годами любое застолье могло послужить поводом для запоя. Периодически у неё появлялись новые «мужья», которые пытались домогаться Нади. Пока она была маленькой, мать, только заподозрив неладное, сразу выгоняла «любимого», но когда Надя подросла, стала ревновать и обвинять в том, что та сама провоцирует, потому что завидует ей, и ненавидит. Надя рыдала, доказывая, что это не так, и убегала из дома, проклиная мать и всех её любовников.

После того как кто-то из соседей сообщил в органы опеки, что в семье Белоусовых не всё в порядке, Надю забрали в социально-реабилитационный центр, пригрозив несознательной, и дышащей перегаром, мамаше лишением родительских прав. Мать бросила пить, и, продержавшись полгода, сорвалась. Надя стала убегать из дома не на час или два, как раньше, а на несколько дней. Поначалу было страшно, но потом даже понравилось, и с наступлением лета Надя, прихватив некоторые вещи и остатки зарплаты, уехала в неизвестном направлении.

Каникулы, которые она сама себе устроила, оказались недолгими и небезмятежными. Деньги быстро закончились, и она устроилась на рынок, где её обворовали – украли телефон и часть вещей. Она решила вернуться домой, но боялась матери. Поэтому и пришла к Матвеем Александровичу.

Глава третья

Маринин был мужем и отцом. Необразцовым. Дочь – студентка второго курса какого-то экономического института считала себя папиной дочкой, но с маминым характером и воспитанием. Что касается жены, то нельзя сказать, что он любил её по-прежнему, но по-прежнему считал самой красивой и, скорее, не мужское желание, а нежелание делить свою жену с кем бы, то, ни было, вынуждало держать её в поле зрения и уделять внимание. Но это не мешало ему много лет иметь любовницу – майоршу с кривыми ногами, занимавшую должность его заместителя. Они неоднократно расставались и сходились, и всегда по инициативе Риты. И если с женой он не хотел разводиться, разве что, в моменты ссор и скандалов, когда она выводила его из себя, и хотелось воспользоваться табельным Макаровым, то о расставании с Ритой, думал всё чаще. Особенно, после того, как стал подозревать, что она играет на два фронта. С одной стороны, он её не осуждал, понимая, что женщина хочет мужа и детей, но с другой стороны, после того как он это почувствовал, хоть и не прекратил отношений, началось охлаждение и отчуждение.

Как и Маринин, Рита не хотела проблем на работе, которые не могли не возникнуть в случае их разрыва, и теща себя дохленьким процентом обманчивой надежды, что он уйдёт из семьи, всё ещё ждала.

Рита стояла у окна, отодвинув рукой тканевые жалюзи, и увидев пустую Анькину скамейку, с облегчением отпустила жёсткие голубые полосы, и они закачались, как маятник, постепенно затихая.

Майорша подошла к стулу и села напротив Маринина, мирно разбирающего документы. Её большие кошачьи глаза, немного вытянутые к вискам, и широкая, даже слишком, улыбка, были поражены злой обидой.

– Поговори с ней. Тебя она послушает.

Маринин беспомощно развёл руками.

– Я должен ей что-то объяснять? Рит, как ты себе это представляешь?

Она помолчала, словно хотела признаться, но не решалась.

– Знаешь, как она меня называет?

Маринин молчал. Рита вопросительно кивнула.

Маринин поднял стопку бумаг вертикально, постучав по столу, и прикрывшись этим бумажным щитом, закусил улыбку.

– Не знаешь....

– Знаю, – с каким-то даже торжеством произнёс Маринин и, положив бумаги, всё таки не решился посмотреть на Риту.

Она резко встала, отошла, чтобы он смог видеть её во весь рост, и «сев» на правое бедро, упёрла руки в боки.

– Ты считаешь, у меня кривые ноги? Ну?

Маринин осмотрел Риту, как она того и хотела, с ног до головы, и всячески подавляя в себе желание рассмеяться, но не над ней и её недостатком, который его совершенно не смущал, а над смешным прозвищем, которым Анька наградила его тайную зазнобу.

– Нет. Они с изгибом.

Рита, прекрасно знающая всё о своих ногах, таким ответом осталась, почти, довольна.

– Ты сегодня придёшь? Ты обещал, – по-лисьи пролепетала она, поглаживая его спину, и перекинув руку, свесила её ниже плеча.

– Обещал, приду, – Маринин подёрнул плечом и глянул на входную дверь.

Медленно и нехотя Рита убрала руку, словно тянула за хвост змею, и, наклонившись к его уху, приоткрыла рот, как вдруг раздался стук в дверь, и тут же она открылась и в кабинет заглянула Надя.

– Матвей Александрович, можно?

– Да, Надя, заходи! – охотно пригласил Маринин.

Взяв папку, с которой, видимо, и пришла, Рита окинула взглядом Надю и, виляя бёдрами, плавно переходящими в изгиб, вышла.

Надя села на стул, на котором сидела Рита, положила пакет на ноги и осмотрела кабинет.

– Ремонт сделали. Классно!

– Мне тоже нравится.

– У нас много общего! – радостно заключила Надя, положив голову на локти, сложенные крест-накрест.

– Рассказывай, – чуть растянул губы Матвей Александрович и подпёр голову рукой, по-прежнему изучая документы.

– М-м-м,... да, так....

– На-дя, – настойчиво и нараспев протянул Маринин.

Примерно пол минуты она как рыба, шевелила губами, и наконец, почти прошептала, не глядя на него.

– Мне жить негде.

– В смысле? – он поднял глаза.

– Да, там, понимаете.... Короче, нельзя мне домой.

– Почему? Что случилось?

– А чё там делать? Каждый месяц новый папа. Задолбали!

– Понятно, – Маринин откинулся в кресле. – Сейчас ты где живёшь?

– Я только утром приехала. Дома ещё не была, и вообще не пойду.

– Ты подробно рассказывай. Давай.

– Да, это не важно, Матвей Александрович. Просто.... Ну, не хочу.

– Так не бывает. На улице собираешься жить?

– Лучше на улице, чем дома.

– Давай, в центр?

Надя отрицательно помотала головой.

– Почему?

– Чё я там забыла?

– По крайней мере....

– ... я буду одета, обута, накормлена и присмотрена, так?

Она с видом всезнайки покивала, и, помолчав немного, добавила, что-то рисуя пальцем на столе.

– Маму тогда прав лишат.

– Надь, но я-то чем могу тебе помочь?

Надя пожала плечами.

– Давай, так. Сегодня, прямо сейчас, оформляем тебя в центр, на ночь, а завтра решим, что делать. Потому как я сейчас не могу – у меня КДН.

Надя понимающе закивала, глядя на Матвея Александровича грустными и жалеющими его глазами. Маринин посмотрел на часы, висевшие над дверью, и, убедившись, что успеваает, стал звонить.

– Ирина Николаевна, утро доброе! Маринин. Хочу Вам работы подкинуть, а то скучно, наверное, – заметив, что Надя направилась к выходу, его тихий доброжелательный тон быстро сменился громким и вопросительным, – ты куда? Это я не Вам.

– В туалет.

Глава четвёртая

Следующим утром Надя сидела на скамейке возле отдела, болтая ногами, так же, подложив руки под себя. Анька не пришла, и это красной строкой вписалось в Надино настроение. Конечно, она её не боялась, но видеться не хотелось.

Когда из-за угла показался Матвей Александрович, жадно докуривающий на ходу сигарету, Надя встала и вышла вперёд, так, чтобы он точно её заметил. Он заметил, удивлённо и недовольно посмотрел, и, не здороваясь, ускорил шаг.

– Матвей Александрович! – бросилась за ним Надя. – Матвей Александрович...!

– Что? – он остановился и впился в неё сердитым взглядом.

– Я согласна.

– Молодец, – и он двинулся вперёд, но Надя опередила его. Маринин устало вздохнул.

– Что ты хочешь?

– Ну, в центр.

– Значит, тебе не ко мне....

– А куда? – ненатурально изобразила Надя искреннее удивление.

– А ты не знаешь? – мягко усмехнулся Матвей Александрович.

Надя, сдавливая улыбку, помотала головой.

– Почему вчера сбежала?

Надя, винясь, так низко опустила голову, что Маринин увидел какой-то мелкий мусор в несвежем проборе волос, и подумал, хорошо, что хоть не бегают и не кусает.

– Пойдём, – и он, даже не взяв её за плечо, а как-то коснувшись почти кулаком, развернул вперед, и они вместе вошли в здание.

– Присаживайся – предложил он, открывая настежь кабинетное окно. – Так, что, Надя, мы имеем? Твои родители..., твоя мама, прав родительских не лишена, хотя на учёте, как неблагополучная семья, вы всё всё-таки состоите.

Надя, закусив нижнюю губу, усердно кивнула головой, от чего немного наклонилась вперёд.

– Школу не посещаешь....

– Посещаю! Сейчас каникулы, а так же я хожу!

– Догадываюсь, как ты ходишь, и как учишься.

– Как умею..., – шлёпнули надутые губы.

– Ладно, школу оставим до сентября, а пока, давай, думать, что с тобой делать. Домой ты не хочешь, в центр, подозреваю, тоже не хочешь, – и он игриво прищурил глаза.

Надя сдвинула смешок.

– Хотя, есть люди, которые, никого не спрашивая, могут определить тебя в центр и забыть на долгие годы....

– Я всё равно сбегу!

Маринин усмехнулся и посмотрел на Надю, которая сделала вид, что у неё сильно чешется нога, и, вытянув шею вперёд и наклонив голову, коснулась стола подбородком.

– Так, что? В центр?

Надя распрямилась, положила руки на стол, и, обведя глазами стену с государственной символикой, максимально мило и почти смеясь, предложила, взять её к себе. Матвей Александрович не удивился, а лишь постучал шариковой ручкой по столу.

– Я хорошая. И могу жить на балконе.

– Тронут твоим доверием и с удовольствием бы взял, но балкона у меня нет – первый этаж.

– Тогда в подвале!

– На улице! Вот, где хочешь, хочешь в парке, хочешь под мостом, на авторыборке – выбирай, не хочу! – резко отрезал Маринин, прекрасно понимая, что она просто тянет время.

– Да, – он снял трубку телефона.

Надя не вслушивалась в разговор, она просто смотрела на Матвея Александровича – как он потёр правый глаз, качнулся в кресле и слушая невидимого собеседника, несколько раз подряд угукнул. Особенно ей нравилась его стрижка – простая, под машинку, чересчур коротко. Ему очень шло.

– Ну, так что? – Матвей Александрович положил трубку и снова устремил взгляд на Надю.

– А какие ещё есть варианты?

– Что-то Вас, гражданка Белоусова, понесло. Давай, так. Оформляем тебя в центр, и мы с тобой друзья.

– Нет.

– На-дя, – снова распел он и, вздохнув, посмотрел на потолок, снова на Надю, и, не зная, что сказать, замолчал.

– Ну, гараж-то у Вас есть?

– Надь, не рви мне мозг, – он устало надавил пальцами на закрытые глаза, и, не открывая их, спросил – паспорт с собой?

– Потеряла..., спёрли....

– Так, сейчас напишешь заявление, вот по образцу, – он перебрал несколько папок, и подал одну раскрытую, – бумага есть, ручка. Пиши, что потеряла. И без ошибок, а то заставлю переписывать.

Надя быстро написала заявление и протянула ему.

– Красивый почерк, и не скажешь, что ты двоечница, – удивлённо отметил Матвей Александрович.

– Я не двоечница.

– Так, значит, друзья? – положил заявление перед собой.

После некоторой паузы, Надя слабо кивнула и, подёрнув кругленьким носиком, который считала дурацким, отвернулась к двери.

Глава пятая

В пятницу, чтобы отвезти на вокзал жену и дочь, Маринин ушёл с работы раньше.

– Ешьте, пейте, ни в чём себе не отказывайте, – шутил он.

– А Вы, Матвей Александрович, наоборот, полное воздержание, – вторила ему жена, сидевшая рядом на пассажирском сидении.

– Да, я всегда!

– Да-да, – недоверчиво сказала Катя. – Ты сразу домой или ещё на работу поедешь?

– Нет, я уже всё. В деревню смотаюсь.

Процентов восемьдесят своего трудового стажа Маринина Екатерина Дмитриевна заработала в администрации города, в отделе по управлению муниципальной собственностью. Естественно, чиновничья служба наложила отпечаток на манеру поведения, стиль одежды, причёску. Семь лет назад её повысили до заместителя начальника, и в этом, они были схожи с Ритой. Но в отличие от любовницы мужа, она была смуглой брюнеткой, и со стороны могло показаться, что они с Марининым брат и сестра.

Катя была старше Риты, как и Маринин, почти на десять лет, но очень недурно выглядела. Конечно, сеточка морщин под глазами и чуть опущенные губы намекали о возрасте, но общей картины не портили. У неё были карие глаза с прямыми, как лезвия ножниц, ресницами, ровный нос и средние, с чёткими очертаниями, губы, которые в моменты недовольства, она «сминала» в комок.

– Почему тогда не переоделся? Сейчас измажешься весь.

– С чего бы я измазался? Приеду и переоденусь.

– Надо было дома переодеться, – не унималась Катя.

– Если ты не в курсе, то я не успел! – Маринин начинал звереть.

– Мы бы подождали, ничего страшного, – она сказала это максимально мягко, но давая понять, что всё равно права, и помолчав с полминуты, продолжила приторным голосом. – Матвей, его надо продавать. Дом – это живой организм. Он просто развалится, потому что, в нём никто не живёт.

– Я в нём буду жить. Вот, выйду на пенсию, мне недолго осталось, и до отпуска, кстати, тоже, и больше вы меня здесь не увидите. Ещё ко мне попроситесь! – Маринин переглянулся с дочерью, в зеркало заднего вида.

– На меня не смотри. Я ещё пока в трезвом уме и светлой памяти, – отшутилась девушка, такая же кареглазая и смуглая, как мать, и уткнулась в планшет.

– Но картошку копать поедешь.

– А ты её полон? – поинтересовалась жена.

– Нет, ты полола!

– Я просто спрашиваю, что ты кричишь? – Катя достала из сумочки телефон, будто он ей срочно понадобился, и погрузилась в него.

– Ай! Всё времени у вас нет. У меня почему-то есть, а у вас не-е-т, – протянул последнее слово Маринин, подался вперёд, прижимаясь к рулю и по-гусиному вытягивая шею, тихо, сам себе, сообщил, – сбежала, всё-таки.

На обочине, чуть впереди, стояла девушка в футболке, шортах и бейсболке, рядом чадила дизелем, повывавшая и «убитая» иномарочка. Девушка разговаривала с кем-то из авто, деловито сложив руки на груди, при этом покачиваясь и пружиня на левой ноге, прогнутой в колене.

Маринин проехал вперед, затормозил и быстро вышел, громко хлопнув дверцей.

В дизельном чудовище было двое парней, которые увидев приближающегося мента, к тому же знакомого, вмиг свинтили, чуть не зацепив приятный во всех отношениях седан, припаркованный впереди.

Девушка, не сразу сообразившая, что происходит (она решила, что «этот» тоже хочет её подвезти), а увидев Матвея Александровича, еле слышно ахнула и попятилась, потом развернулась и побежала.

– Надя, стой! Стой, сказал! – требовательно прокричал он, и вроде бы хотел побежать, но не побежал, а недовольно сделал руки в боки, ещё раз крикнул, и, обернувшись на машину, снова посмотрел на удаляющуюся Надю.

– Ну, коза! – оглядываясь, пошёл обратно.

– Маринин! – подала голос Катя, ступив одной ногой на обочину. – У нас поезд, вообще-то! – и как туристический стульчик сложилась обратно в машину.

– На пенсию он собрался, не набегался ещё! – ворчала она, следя в боковое зеркало за идущим мужем.

Маринин ещё раз посмотрел на движущуюся точку, которой была Надя, и сел в машину. Он дышал через нос, громко и глубоко, зло, сжав губы, боясь, сказать ненужное, грубое и резкое (чего совсем не хотелось), пристегнулся, и машина рывком рванула с места.

Дождавшись, когда поезд стал ускоряться, Маринин сентиментально махнул «дымящейся» рукой, и окрылённый предстоящей двухдневной свободой, помчался в свою любимую деревню.

Он сильно удивился, снова увидев Надю. И удивился не только её глупой настойчивости, но и тому, как быстро про неё забыл.

Снова съехал на обочину и быстро перебежал дорогу. Надя снова его не заметила, потому что вела непринуждённую придорожную беседу с кем-то в притормозившей машине.

Маринин, почти ухмыльнувшись бритоголовому водителю, представился. Лысый мужик, ошибочно принявший его за гаишника, полез в нагрудный карман за документами, но когда Маринин представил Надю, с указанием возраста, и нарочно увеличив вероятный срок наказания за сексуальные действия в отношении лица, не достигшего совершеннолетнего возраста, зыркнул на неравномерно покрасневшее личико, и подняв стекло, уехал.

Взяв под руку, Матвей Александрович перевёл Надю через дорогу.

– Садись, – он открыл дверцу машины.

– Я не поеду.

– Садись.

– Я не поеду! – упорствовала Надя, думая, что Матвей Александрович отвезёт её в реабилитационный центр.

– Как хочешь, – и, хлопнув дверцей, он открыл свою.

– Ладно, – недовольно согласилась Надя и быстро села в машину.

Глава шестая

Ехали молча.

Матвей Александрович включил, по определению Нади, какую-то странную музыку, и смотрел только на дорогу, словно ехал один, а Наде было всё равно, куда и зачем они направляются, главное, вместе. Она крутила головой от одного окна к другому, и вскользь, как-то случайно, поглядывала на самого обожаемого из обожаемых. Она сняла бейсболку, и незаметно положив на колени его фуражку, совсем недавно брошенную Катей на заднее сидение, с любовью её рассматривала, крутила, поглаживала, и очень хотела примерить, но боялась, что Матвей Александрович будет ругаться.

На развилке машина не поехала прямо, в сторону краевой столицы и социально-реабилитационного центра, а свернула вправо. Надя непроизвольно обернулась и посмотрела на оставшийся позади заброшенный пункт ДПС, а через минуту промелькнул дорожный знак «Белое поречье».

– А куда мы едем?

Маринин молчал и не то что бы улыбался, но заметно радовался, слегка сощурился глазами.

– Очки что ли надеть? – подумал он.

– А почему белое?

– А ты как думаешь? – очнувшись, спросил Матвей Александрович, и опустил «козырёк».

– Может, снега много. . . .

Матвей Александрович качнул головой и поиграл бровями.

– Подумай.

Надя просияла улыбкой, потому что Матвей Александрович её «простил». Задумалась, обводя глазами салон машины.

– Может, белых много. . . ? – неуверенно предположила она и потёрла пальцы, сильно их сжимая.

– Это, каких же это белых? – заинтересовано, хотя не без иронии, поинтересовался Матвей Александрович.

– Которые с красными воевали.

В зеркале заднего вида отразились удивлённые карие глаза.

– Красивая версия! А «поречье» почему?

– Не знаю. Слово какое-то странное. Старое, наверно.

– Сдаёшься, команда знатоков?

Надя кивнула.

– Туман. Просто туман. Над рекой утром густой туман, почти всегда.

Надя внимательно слушала Матвея Александровича, такого умного, красивого и вообще самого лучшего, совершенно не испытывая стыда за свою нелепую догадку. Она упёрлась подбородком в боковину его сидения, и голова раскачивалась от быстрой езды и немного кружилась от совершенно необыкновенного одеколона.

– А зачем?

– Зачем, что? Туман?

– Едем зачем?

– За туманом, за туманом и за запахом тайги! – довольно пропел Матвей Александрович.

– А я знаю эту песню! Тыщу раз слышала. Нудная.

– Ты прямо-таки, как я погляжу, вообще, всё знаешь.

– А Вы думаете, что я дебилка?

– Да, нет, конечно, – неловко оправдывался Маринин. – Наоборот, я хотел тебя похвалить, что ты – молодец, много знаешь.

Надя понимающе и чуть обиженно шмыгнула носом и откинулась назад. С удовольствием пару раз выгнула спину, сводя лопатки вместе, и расслабив их, закрыла глаза. Через минуту она посмотрела в лобовое стекло, почувствовав, что машина почти ползёт, а не едет.

По дороге, с одного брошенного поля на другое, не спеша копытило небольшое стадо. Коровы на ходу вдумчиво пережёвывали траву, энергично двигая нижними челюстями, и обмахивали себя грязными хвостами, густо увешанными мелкими зелёными колючками, всем своим видом показывая, что спешить им некуда.

– Коровы, – заморожено проговорила Надя, словно увидела модный бойз-бэнд в полном составе.

– Коровы. . . . Пригнись, на всякий пакостный.

Надя беспрекословно легла на сидение и затихла. Она слышала, как сработал ручник и щёлкнул ремень безопасности.

– Я сейчас.

Надя осторожно подняла голову и в промежуток между сидением и подголовником увидела Матвея Александровича и какого-то старика. Потом легла на живот и надела фуражку.

Старик, с которым разговаривал Матвей Александрович, был в кепке, тёмных затасканных штанах, расстёгнутой рубашке и растянутой полосатой футболке, на ногах болтались рези-

новые сапоги до колена. Выбрит. В левой, жилистой и шероховатой даже на вид, руке, была пластиковая бутылка с водой на доньшке, в другой – длинный прут.

Они пожали руки, и старик, зажав прут подмышкой, смеясь, на удивление крепко-зубой улыбкой, закурил.

– Я так-то ж присматриваю, вроде тихо. Сам знаешь, у нас, слава Богу, смраду нет.

– Спасибо. А это кто? – Маринин затянулся и кивнул в сторону высокого и толстоватого, коротко стриженного молодого человека, который странно и неприятно посмотрел на него, и пошёл за коровами.

– Племянник мой, внучатый. Артёмка. Он немного не того, ну, сам видишь. Вот, на лето его к нам сбагрили. Вроде, помощник мой.

– Я помню его. Дядь Андрей, пора уже Вам смену готовить, сколько можно самому-то?

– Приходится, ёлки зелёные, – старик пустил густой клуб дыма и закашлялся, чуть наклонившись. – Пастух паскуда! – он горько вздохнул и часто заморгал глазами, – корову мне загубил.

– Как?! – искренне ужаснулся Маринин.

– Да, хрен его знает! И ведь зарекался больше не брать этих охламонов! Ай! – дед махнул рукой. – Она стельная была, подумай.... Запуталась в верёвке и удушилась.

– Кто такой?

– Не наш, пришлый, дел натворил и стриканул, сучонок. Неделю всего побыл, а столько наворотил! И кнут стащил, и куртку. Ай, ну, его! Корову жалко, такая красавица была!

Маринин сочувственно покачал головой, осмотрелся вокруг. Последняя корова была уже в метрах пятнадцати от дороги.

– А я жду, стада всё нет, ёлки зелёные, что такое? Пошёл, а его и нет, коровы – сами по себе, а Верба наша лежит.... Шмальдец, твою меть....

– Да, жаль, конечно. Жаль. Может, попробовать поискать?

Дед махнул рукой.

– Вам видней. Ну, я поеду. Не болейте! – и, задулив окурочек в траву, Маринин пошёл к машине.

– Давай! Ты почаще заезжай! – старик потряс кулаком и пошёл, как вдруг обернулся, – эй, Матвейка, а мясо-то тебе не надо?

Маринин замялся и медленно попятился.

– Да, можно, наверное. Я зайду!

– Добро!

Довольный старик не торопясь пошёл за своими бурёнками, ещё издали им что-то прокричав.

Глава седьмая

Узкая дорога, ответвляющаяся от основной, такой же сухой и пыльной, вывела седан, виртуозно, почти профессионально, преодолевающий неглубокие ямки, к высокому профнастильному забору, из-за которого виднелась «макушка» крыши. В центре образовавшейся дорожной развилки росли преимущественно берёзы, узким и длинным леском отделяющие этот участок от остальных, находящихся далеко и чуть скучено. Этот же дом стоял в начале деревни и, одновременно, особняком.

Открыв ключом калитку, Маринин вошёл во двор, распахнул ворота, загнал машину, и только закрыв ворота, понял, что сделал это автоматически, а не из мер предосторожности, которые, принимая во внимание Надю, были нелишними. И местные, и дачники, особенно, дачники, не обращая внимания на погоны, частенько принимали его за участкового, и спешили поделиться своими, на самом деле, только для них ценными, наблюдениями. И, как правило, такие равнодушные и бдительные люди, могли набдеть что-нибудь лишнее.

Он постоял с минуту, недовольно уперев руки в боки, размышляя, правильно ли сделал, и, в конце концов, разрешил Наде выйти из машины.

– Вы здесь живёте? – поинтересовалась почти вращающаяся голова с летающей косой.

– Жил.

От ворот до дома вёл длинный помост, выложенный в два ряда полуметровыми потемневшими от времени досками. По обе стороны от него среди травы, недавно скошенной, и пустившейся догонять прежнюю высоту, кустилась смородина, усыпанная чернеющими ягодами, абрикос и молодая, но очень высокая, груша. Справа у забора перед гаражом остывала машина Маринина, слева – давно пустовавшая собачья будка.

Почти у крыльца в шахматном порядке росло пять берёз. Между двумя была сколочена голубая скамейка.

Со стороны могло показаться, что Надя попала в Дисней-ленд, а не деревенский двор, настолько увлечённо она всё рассматривала. Ноги шли вперёд, голова была повернута в одну сторону, глаза пытались глядеть в противоположную. И не заметив какую-то неровность, Надя подвернула ногу и уткнулась в спину Матвея Александровича.

– Осторожней, – обернувшись, заботливо сказал он.

– Ага...

Это был большой, почти квадратный, деревянный дом с большими окнами в белых рамах и с голубыми наличниками. В углу между верандой, плавно переходящей в большую пристройку, стояла бочка до середины наполненная мутной водой и детская эмалированная ванночка, тоже с водой, в которой плавали бабочки, жуки и берёзовые листья. В помосте «проросла» колонка с длинной ручкой. Рядом стоял закрытый алюминиевый, немного мятый, молочный бидон, вероятно, ровесник хозяина.

Откуда-то из-за пристройки вышел пятнистый серо-коричневый кот, неспешно потянулся и слабо мяукнул.

– Ой, котик! – Надя наклонилась и погладила его по голове. Кот благодарно тернулся о ноги.

– Иди, мышей лови, багодул! – нарочито сурово проговорил Матвей Александрович.

Кот устремил на него сонные оливковые глаза.

Маринин звякнул связкой ключей и открыл широкую зелёную дверь, слегка поддев ей снизу.

– А как его зовут?

– Совсем перекосилась, – словно извиняясь, одновременно и перед домом и Надей, за запущенность и хозяйский недосмотр, констатировал Матвей Александрович. – Ластик.

– Ластик?! Как резинку? – услышал он за спиной, когда уже был на веранде.

– Наверное. Дочь назвала. Сначала тоже, котик-котик, а потом бабушке сослала.

– Бабушке...? А где... она?

– Умерла. Здесь жила моя мама, ну, и я, когда-то, – тихо и спокойно ответил он.

Надя остановилась, едва переступив порог, словно качнулась назад. Ей стало, безумно жаль Матвея Александровича. Конечно, он взрослый человек, но ведь без мамы всегда тяжело. И она подумала о своей матери, о том, что и она умрёт, и как сама Надя иногда желала этого. Но если маму, пьяную и злую, извергающую жуткий грязный мат, начинал бить сожитель, она отчаянно бросалась на защиту. Больно получала, отлетала, ударялась, и снова бросалась, не боясь и не раздумывая.

– Только бы я раньше, чем Матвей Александрович! А лучше вместе. Сразу! – решила она, и воображение мгновенно нарисовало картину совместных похорон.

– Проходи, коли пришла!

Надя, взяв кота на руки, пошла на голос.

Просторная беленая комната с кухонным гарнитуром вдоль стены. У окна, в которое были видны берёзы и скамейка, стоял небольшой стол, два советских стула, а на печке в углу – цинковое ведро с водой. Матвей Александрович включил в розетку старенький магнитофон, стоящий на холодильнике, и через мгновение в доме «появилось» радио. Открыл холодильник, и, щёлкнув пальцами, закрыл.

– Я сейчас.

Надя отпустила кота, который густым тестом стёк на пол, и подбежала к окну. Матвей Александрович по деревянной дорожке шёл к машине. Через пару минут он возвратился с пузатым пакетом, на боку которого красовался сплюснутый логотип супермаркета.

Кофе, чай, сахар, какие-то конфеты, булка хлеба, две пачки кошачьего корма, две бутылки пива, колбаса, кусок сыра, селедка, сайра, тушёнка и две пачки пельменей – всё это оказалось на столе.

– Есть, хочешь?

– Хочу, – призналась Надя.

– Сейчас поедим.

Матвей Александрович бросил смятый пакет в коробку между окном и холодильником, в которой было десятка два таких же полиэтиленовых комков.

Надя испытывала удивительное чувство – чувство неожиданного и всепоглощающего счастья. Ещё час назад, она ловила машину на трассе, собираясь доехать до вокзала, а оттуда как-нибудь куда-нибудь, а теперь она сидела на кухне у Матвея Александровича, и он был близко, так близко, что она даже случайно коснулась его руки, когда потянулась за хлебом. Учитывая, что она «влетела» в него на улице, когда споткнулась, это было просто супер!

– Батареи?! У Вас батареи? – Надя удивлённо коснулась одной из двух белых труб, идущих вдоль стены ниже подоконника.

– Батареи.

– А почему? У Вас же печка?

– Почему... Почему же, почему... Белых много, – не удержался Маринин.

– Зелёных! – не зло огрызнулась Надя, и ещё раз осмотрела кухню.

Матвей Александрович задумчиво крутил пальцами зубочистку зажав её зубами. Надя несколько раз посмотрела на него и нерешительно промурлыкала.

– А можно я похожу...? Дом посмотреть...

– Да, конечно, – очнувшийся хозяин с радушной готовностью встал.

Из длинного беленого, чересчур засиненной известкой, коридора с примыкающей верандой, можно было попасть в четыре комнаты и кухню.

Они заглянули в первую, такую же по размерам как кухня, комнату, с двуспальной кроватью, заправленной одеялом с большим красным цветком и бежевым тюлем на окне. У двери стояло кресло, над которым висел, уже как три года не актуальный православный календарь. В углу у окна крепко укоренился громоздкий телевизор.

В зал они не входили – всё было хорошо видно через стеклянные вставки на дверях. Вдоль стены стоял старый сервант набитый сервизами и наборами рюмок и фужеров. На полочке пылились какие-то фигурки, чёрно-белые и цветные фотографии в дешёвых рамках. Всё обычно: палас, шторы, телевизор, диван и два кресла.

– Ещё одна комната, проходная, там ещё одна, ничего интересного, и эта, – Матвей Александрович «подозрительно» улыбнулся уголками губ, и остановился, словно зацепившись плечом за дверной косяк.

Глобальная радость просияла на Надином лице, и она, догадавшаяся, что это комната некогда принадлежала ему, не спрашивая разрешения, проскользнула внутрь, нарочно, его коснувшись.

– Крутяк!

Надя с интересом и восхищением осмотрела почти такую же комнату, как и предыдущие, и завалилась спиной на кровать с панцирной сеткой и легко отпружинив, засмеялась.

– На такой кровати прыгать классно, а спать плохо, она проваливается, – Надя провела рукой против синтетического ворса сине-бирюзового одеяла с парой резвящихся дельфинов.

Бывший владелец комнаты пожал плечами.

– Пойдём, ещё что-то покажу, – Матвей Александрович кивнул в сторону выхода. Надя резво подпрыгнула и побежала следом.

Они вышли во двор, завернули за угол дома и оказались напротив окон общей комнаты.

– Ого! – непроизвольно выпалила Надя, увидев огромный сад с десятками кустов и деревьев.

– Пятнадцать соток, – безрадостно, и даже как-то замучено, сказал Матвей Александрович. – Плантация. Набатрачились мы тут, дай Боже.

Он сорвал несколько крупных вишен, и быстро объев с них мякоть, отвернувшись, выплюнул косточки. Надя жадно рвала и уплетала ягоды с поражающей скоростью, возможно, даже, с косточками.

– Хочешь, пособирай. Возьми в доме что-нибудь, там всего полно. Я сейчас отойду, минут на двадцать, а потом поедем.

То, что почувствовала в тот момент Надя, было сродни предательству, как всегда подлому и архи неожиданным. Она так и застыла с горстью вишни у полуоткрытого рта.

– Обратно...? – провалившимся голосом выдавила она.

– Конечно. Домой или в центр?

Надя молчала, словно без её решающего слова, они бы никуда не поехали.

– Думай, пока. И не вздумай удрать, – сказал Матвей Александрович и пошёл к калитке.

Надя обернулась. Из-за деревьев его не было видно, но она слышала, как зазвонил телефон, и немного погодя звякнула калитка. Шмыгнув носом, она слегка отвернулась от дерева, снова шмыгнула, и, почувствовав колющее щекотание в носу, чуть сморщила лицо и потёрла глаза, опережая только подступающие и отчаянно сдерживаемые слёзы. Надя рвала вишню и пыталась есть, но она уже была безвкусной, даже противной, и, бросив ягоды на землю, закрыла чуть липкими ладонями лицо, и громко зарыдала.

Глава восьмая

Дом дядь Андрея мало ассоциировался с человеком, всю жизнь разводившим коров и свиней. Маринин помнил, как в детстве родители говорили, что если Андрюха Маслов, опять дом красит, значит, Пана его «опять из дому гонит». Страдал он не за так, а за чрезмерную тягу к противоположному полу. И после очередного акта супружеской неверности, о котором тут же становилось известно жене, провинившийся и бесом попутанный благоверный, принимался ремонтировать и красить дом, уверяя супругу, что это уж точно в последний раз. В итоге, понагородил полный двор нелепых пристроек и даже переделал чердак в мансарду, но вход, чтобы не «дырявить» потолок, сделал с улицы, которым пользовались только летом – с теплом на мансарде было туго.

Последние лет десять Маринин частенько подкалывал дядь Андрея вопросом, почему тот дом давно не красил? Старик честно признавался, что уже не тот.

Масловский дом был покрашен весьма оригинально. Сине-белый фасад соседствовал с некогда ярко-жёлтым, цыплячьим, крыльцом и лестницей на эту чёртову и сотни раз проклятую (тётя Паной) мансарду.

Маринин и дядь Андрей стояли, что называется, под калиткой, которая как и тяжёлые деревянные ворота, немного просевшие в середине, со временем стала «старого» жёлтого цвета.

– Смотрю, дорогу прогрейдеровали. Приятно пройтись! – довольно огляделся Маринин и притопнул туфлём по относительно ровной глинистой дороге.

– Это вон тот кулик, – дядь Андрей указал рукой на высокий, как башня, новый дом на небольшом бугорке в метрах ста от них. – Им свои машины бить жалко, вот и стараются.

– Это ж хорошо!

– Хорошо, но вот коровы, говорит, мои, всё портят. Задолбался, говорит, дерьмо их с колёс отмывать. Пусть тут, значит, не ходят. А я ему говорю, так если ж они летать будут, хуже будет! – и взяв за руку, смеющегося и уже понявшего финал шутки Маринина, словно хотел притормозить его смех, – придётся, ведь и с крыши отмывать, понимаешь?

И они вместе рассмеялись.

– Ну, проходи, мы как раз только сели, – дядь Андрей закрыл высокую калитку и Маринин оказался во дворе.

Две мордатые собаки приветливо мели хвостами по земле.

– Здорово, дружище! – Маринин потребушил за уши и прижал рукой к ноге взрослого пыльно-белого кобеля, который радостно взвизгивал, узнав бывшего хозяина. – Сторожи хорошо, меня не позорь.

– Сторожит. На днях опять полоза задавил. И такой, ты знаешь, взрослый, — дядь Андрей сложил пальцы и показал примерный диаметр змеи.

– Ну, ты змеелов! – Маринин гордо похлопал собаку по спине и бокам. — К нам они почему-то акину наведываются. Удивительно, но... — и он усмехнулся, вспомнив, как пацаном рыскал по огороду, в поисках змеи, потому что кто-то из друзей снова «щеголял» гадким трюфом, пойманным в дворе.

– Мы его не обижаем. Да, Граф? – старик подмигнул собаке, и снова пригласил гостя, – ну, давай, к столу.

– Спасибо, я... – Маринин попытался сделать шаг, но Граф обхватил его ногу лапами, и он, рассмеявшись, снова погладил по голове.

– Помнит, шельмец! – добродушно заметил дядь Андрей, и вздёрнул подбородком. – Давай, в хату.

– Нет, спасибо, я только за мясом. Мне ещё обратно ехать.

– Ну, ты, брат, даёшь! А как же рыбалка, ёлки зелёные?

– Не травите мне душу! – смеясь, взмолился Маринин, отряхивая брюки после собачьих объятий. – Сам хотел, но... работа.

– Бросай ты свою богадельню! Глянь, седой уже!

Маринин повинно потёр лоб и пригладил волосы.

– Я, вот, в твои годы... тебе сколько?

– Мало ещё.

– А седины много! Вот, помяни моё слово, мотор, – он постучал указательным пальцем Маринину в область сердца, – не выдержит, так и свалишься со своим хулиганьём!

Маринин не стал спорить и смиренно развёл руками.

– Ладно, шут с тобой. Все там будем... Пойдём.

И они зашли в небольшой тёмно-жёлтый домик, который, как помнил Маринин, являлся летней кухней.

Глава девятая

Обратная дорога была для Нади быстрой и тяжёлой. Она также сидела позади Матвея Александровича, но сложив руки на груди, и «сдерживая» их пальцами за локти, как будто они могли внезапно развязаться и пойти в разнос. Из-под козырька бейсболки она сосредоточенно смотрела на стремительно сменяющие друг друга деревья, повороты, автобусные остановки, которые ещё несколько часов назад, казались ей весьма симпатичными, и, как будто решалась.

Маринин понимал, что девочка что-то себе придумала, потом расстроилась, и что это проходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.